

Интереснейшие сведения об умонастроениях в 80—90-х годах указанных выше кругов дают так называемые „обличительные тетради“ старца Авраамия, содержание которых живо перекликается с установками фальсифицированной „речи“ Грозного.¹ „Обличительные тетради“, написанные в документальной форме „челобитной“, появились как результат многих разговоров, содержащих резкую критику поведения молодого царя и существующих неурядков в государственном управлении. Разговоры эти велись в келье старца Авраамия—строителя Андреевского монастыря на Воробьевых горах, в кружке оппозиционно настроенных подъячих московских приказов. Бывали в келье у Авраамия и крестьяне подмосковного села Покровского Посошкови — Роман и его брат Иван, будущий знаменитый публицист.²

Из содержания сочинения старца Авраамия выясняется, что участников кружка возмущало то, что царь Петр I не занимался в те годы исправлением административного и судебного аппарата, где процветали взяточничество и волокита. В кружке Авраамия жаловались также на чрезмерное увеличение приказного персонала,³ критиковали нарушение Петром традиционных церемоний, его демократизм в обращении и устройство театра в подмосковном селе Измайлове.⁴ В целом ряде мест Авраамий высказывает мысли, параллельные идеям „речи“ Грозного.

Петр, по словам старца, покинул „всякое правление государства своего и приказал править похотникам, мздоимцам“. „Теперь, — говорит Авраамий, — уже впредь и добра вскоре не чают“. В государстве же вследствие этого „в настоящее время мнози тужат и гораздо болезнуют, и есть-де о чем болезновать“.⁵ Вспомним, что царь, прежде чем собрать Земский собор, тоже видел „царство свое в велицей тузе и печали“ (л. 518 об.): „И всего того не приписать, что говорят. И ни в чем путного рассмотрения не стало“. Сравни с этим „вручаю тебе челобитные примати... и назирати их с рассмотрением“ — в фальсифицированной „речи“ Ивана IV (л. 519).

Так же как автор „речи“, Авраамий признает необходимым обсуждение насущных вопросов на Земском соборе, который он предполагает составить из Освященного собора, родственников царя „и иных честных и породных, и преимущих в разуме, и допущенных до его честности или мочи, бояр и окольных, и думных людей. И о том, — добавляет Авраамий, — чаю аз, что от них ему, великому государю, челобитье и прошение было...“.⁶ Авраамий, правда, сужает круг лиц, которые должны обсуждать насущные вопросы государственного управления, он не предлагает собрать „государство из городов всякого чину“, но несомненно, что он имеет в виду совещания такого рода, которые в конце века заменили собой земские соборы. В „обличительных тетрадях“ мы также сталкиваемся с вопросами суда: „судей выбрать разум-

¹ Памятник опубликован Н. А. Баклановой, ук. соч., стр. 131—155.

² Вопрос о взаимоотношениях И. Т. Посошкова и Авраамия подробно рассмотрен в кн.: Б. Б. Кафенгауз, И. Т. Посошков, его жизнь и деятельность. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 20—36. На стр. 173—181 этой книги издано начало розыска дела об Авраамии.

³ См.: Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 145—146.

⁴ См. показания И. Бубнова на допросе по делу Авраамия 14 января 1697 года в кн.: Б. Б. Кафенгауз, ук. соч., стр. 178.

⁵ См.: Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 145. См. также показания Н. Кривева на допросе от 9 января 1697 года в кн.: Б. Б. Кафенгауз, ук. соч., стр. 174.

⁶ См.: Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 149.